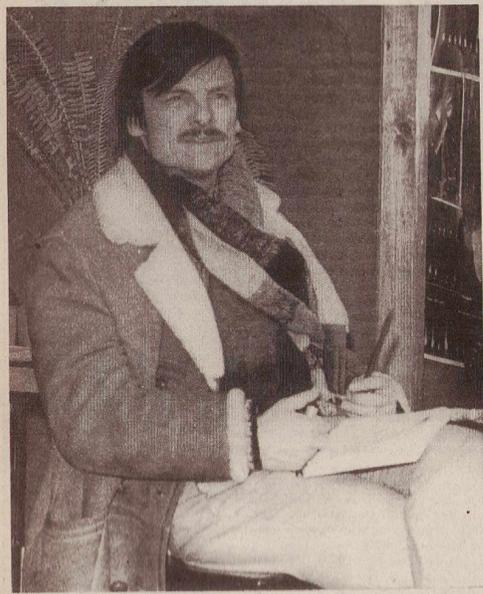

ПАМЯТЬ

Андрей Тарковский. Человек. Сын неба.

Андрей Тарковский на съемках.

С сыном Андрюшей.

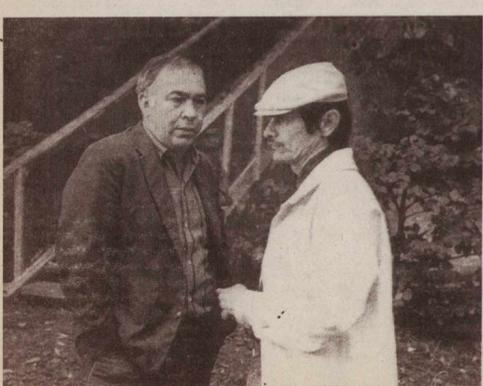
Николай Бурляев в фильме «Иваново детство».

На съемках «Жертвоприношения».

Кадр из фильма «Солярис».

Оператор Вадим Юсов с Тарковским на съемках.

Нет смысла ждать знаменательной даты, чтобы вспомнить о великом человеке. Андрей Тарковский стал не только символом кинематографа, символом России, судьбы творца и гражданина. Тарковский - это могучий пласт мировой культуры, по которому - чаще ли, реже ли, раз в жизни или ежедневно - сверяем себя, свою жизнь, свои поступки и мысли.

«Андрей Тарковский прожил короткую жизнь. Жизнь, укороченную тяжелой борьбой за право говорить своим голосом».

Наталья БРАНСКАЯ.

«Помню отчетливо узкий «предбанник» одного из мосфильмовских объединений и вписанного в эту тесноту элегантно одетого молодого человека: серый, холодноватого тона костюм в мелкую клеточку, аккуратно завязанный галстук, короткая стрижка ежиком... Он был ежистый: свою ранимость защищал подчеркнутой элегантностью, холодноватой, педантичной аккуратностью.

«Режиссура - не профессия, а судьба, но до нее надо доработаться. И Тарковский истово, самозабвенно, изнурительно трудился. Нет, не готовым пророком явился он в кино».

Вадим ЮСОВ.

«Личность его была настолько сильной, глобальной, что даже если он молча смотрел на тебя и ничего не произносил, само его существо диктовало русло, по которому актеру следовало плыть».

Николай БУРЛЯЕВ.

«Тарковский не был похож на тех режиссеров, которые грациозно восседают в парусиновом кресле с надписью «Режиссер» и оттуда повелевают своими помощниками и актерами, командуют, как и что должно быть в кадре. Андрей весь был в «гуще событий», и, когда все ладилось, в его глазах с хитрым прищуром прыгали чертики, появлялась застенчивая усмешка в уголках губ и легкая раскраска в походке. Когда же не ладилось - уходил в сторону, очень по-русски чесал затылок, и, видимо, по старой, детской привычке кусал ногти...»

Николай ГРИНЬКО.

«Тарковский был внушаем и тяготел к пророчествам. Рассказывал однажды, что был участником спиритического сеанса, и что ему удалось вызвать дух Пастернака и спросить его: - Сколько картин я поставлю? - Семь! - был дан ответ. - Так мало? - спросил Тарковский.

«Семь, зато хорошие!» - сказал дух великого поэта.

Он поставил семь картин: «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия», «Жертвоприношение».

«После просмотра «Андрея Рублева» я призналась Тарковскому, что хочу стать кинорежиссером, что желание это давнишнее, и оно сильнее меня. Тарковский помрачнел.

Я с ужасом ждала приговора и наконец решилась спросить: - Что, я не сумею? - Сумеешь, сумеешь, - как-то тяжело ответил Андрей Арсеньевич, - ты все сумеешь. Только сейчас, когда ты актриса, тебя любят, а как только станешь режиссером - будут ненавидеть».

Наталья БОНДАРЧУК.

«Актёры знают, что такое благоговение перед настоящим режиссером, в чьих руках ты свободен, спокоен и всемогущ. Эстонское телевидение все допытывалось у меня, почему все без исключения актёры на вопрос, у кого они хотели бы сниматься, первым называют Тарковского - даже если нет никакой надежды и у него сниматься?»

А потому, что все мы как инструменты, на которых надо уметь играть...»

Однажды Андрей Арсеньевич сказал, хитро глядя на нас с Толей Солоницыным: «Странные люди, эти актёры... Да и люди ли они?..»

Маргарита ТЕРЕХОВА.

«Бах был любимым композитором Андрея Тарковского. Когда бы я к нему ни пришел, у него обязательно звучала музыка Баха. Без нее Андрей просто не мог жить. Многие из произведений я знал наизусть, коллекционировал грамзаписи, сразу стараясь приобрести все то, что у нас издавалось. Нередко друзья привозили ему пластинки из-за границы. Я думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что музыка Баха сопровождала его почти ежедневно, и знал он ее основательно».

Эдуард АРТЕМЬЕВ.

«Размышляя об Андрее сегодня, когда мне уже за пятьдесят, не могу отделаться от чувства нежности к этому мальчику, большоголовому, хрупкому, с торчащими во все стороны вихрами, обгрызающему ногти, живущему ощущением своей исключительности, гениальности, к этому замечательному вундеркинду, который при всей своей зрелости все равно навсегда остался для меня наивным ребенком, одиноко стоящим посреди распахнутого, пронизанного смертельными токами мира».

Андрей МИХАЛКОВ-КОНЧАЛОВСКИЙ.

«Мы сидели теплым вечером в маленьком кафе на безлюдной площади в Риме. Стали говорить о ностальгии. Как это играть по-русски? Что за этим стоит? Только ли безреки? Но безреки есть и в Италии. А ностальгия? Наверное, тоже. Вдруг, как в плохом фильме, подошли два мальчика: один с кепкой, другой - с ак-

кордеоном - заиграл «Амурские волны». «Это уж слишком, - сказал Андрей. - Никому об этом не говори - не поверят». Но так было. Вокруг него всегда образовывалось поле непредсказуемых возможностей и испытаний.

«Этот закрытый жесткий человек мог быть смешным, и трогательным, и нежным, и смертельно уставшим. Он был способен зарядить твою нервную энергию, направить интуицию, прокладывая путь к самому первичному и неразложимому, к святому и непорочному. К тому, что неосознанно дается при рождении и бесплодным трудом раскрывается перед смертью. Это путь духовного очищения. Тоска подступающей смерти и тоска по жизни».

Олег ЯНКОВСКИЙ.

«Вечером 3 января 80-го года мы с Андреем Тарковским выступили перед представителями кинопроката. В огромном зале собрались люди, которым доверено было определить, как отнесутся к «Сталкеру» зрители и соответственно сколько экземпляров пленки выпустить в свет. Я пришел к обсуждению. Фильм уже посмотрели. Выступил Андрей, объяснил фильм, ответил на вопросы. Вопросы показались мне странными. Вдруг в зале прозвучал сонный бас: «Да кто эту белиберду смотреть будет? Раздался одобрителный смех. Андрей поблелел, пальцы его сжались в кулаки. Стараясь не смотреть на него, я попросил слова: Но они уже уходили. Черт знает, куда они уходили, эти гении кинопроката. В пивную? В писсуар? В никуда? Я говорил и видел, что они медленно поворачиваются затылками и медленно, громко переговариваясь и пересмеиваясь, удаляются проходами между кресел.

Разумеется, затылки были разные, но мне они казались одинаково жирными и необъятными, и на каждом светилась знаменитое сытое «Не надал». Такого я еще никогда не переживал. Помнится, мы сошли с эстрады на лестничную площадку. Андрей скрипел зубами. У меня тряслись руки, и я с трудом поднес спичку к сигарете. Несколько мужчин и женщин остановились возле нас. Беспорядочно оглядываясь, они бормотали вполголоса: - Вы не думайте... Мы не такие... Мы понимаем... На четверть миллиарда советских зрителей кинопроект выпустил 196 экземпляров фильма.

На всю Москву выделили три копии. За первые же месяцы в Москве «Сталкер» посмотрели два миллиона зрителей».

Аркадий СТРУГАЦКИЙ.

«Андрею нравилась моя живопись, мне - его кино. Но он был ко мне более снисходителен. Чего не скажешь про меня, я ведь тогда только и делал, что в кровь сжимал кулаки. Его смотрели миллионы. Подбородок у него был задран. Ему и врезали. Я же выпускал «блуждающих», взывал к единственному мысленнику... Я не показываю своей живописи тем, кому она может не понравиться... Я не люблю, когда меня сбивают с толку. Андрей этой элитарной возможности не имел. Хотя только этого и добивался. А слог у него был возвышен, и все же он не мог себе позволить избирательности, из этого все равно ничего бы не вышло. И, если ему случилось сорвать аплодисменты, он срывал их с шипами. У него была привычка грызть ногти. Похоже, под ногти ему впились колючки. Страшно? Но это уже образ. Андрей меньшего не заслуживает. Только не простите! Окажетесь неправы. Мы были рядом, но с некоторой отстраненностью от него, ибо понимали - имя ему Тарковский».

В «Жертвоприношении» он себя возвел на Голгофу, нас с ним рядом не было, на гору он поднялся один. Он знал, жертвует художник только самим собой. В этом суть любого подлинного акта. Он был задирой. В толпе можно иначе, но нельзя в искусстве.

«Непостижимо, но порой кажется, будто чей-то преднамеренный, злой умысел выводит из наших рядов Андреев и давит их на пьестыре поодионок в сорных травах...»

Шавкат АБДУСАЛАМОВ.

«...Ностальгия по умершим от ностальгии, по тарковской свече, возжигаемой столько, сколько раз угасаема... Хлещет потоп - только Ной это знает, мои дорогие, он - ковчег, и ему одиноко и горько, а голубку не шлют... и не хочется в гроб».

Ностальгия по умершим от ностальгии, по тарковской тоске на московском бульваре, ностальгия по у-у-у-у! ностальгия по а-а-а-а! По беззвучному стону, мои дорогие, когда он выплывал, а его убивали, и по зеркалу кровя ностальгии текла...»

Юнна МОРИЦ.

Полоса подготовлена Л.ДЗЮБЕНКО по материалам книги «О Тарковском» (составитель М.Тарковская, издательство «Прогресс»).

Фото из архива В.МУРАШКО.

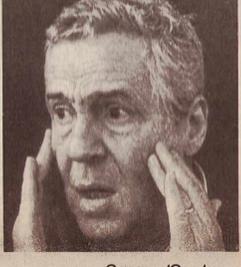
На съемках фильма «Белый, белый день» - «Зеркало».

Дерево жизни в «Жертвоприношении».

Анатолий Солоницын в фильме «Сталкер».

Зрланд Юсефсон в «Жертвоприношении».

Кадр из фильма «Сталкер».

Рабочие моменты съемок «Соляриса» и «Сталкера»: Тарковский с Донатасом Банионисом, Натальей Бондарчук, Анатолием Солоницыным, Николаем Гринько.

